

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Я закончил работу над этой книгой в 1985 г. — тогда, когда Михаил Горбачев уже стал во главе Коммунистической партии Советского Союза, но еще до того момента, когда им были инициированы реформы советской интеллектуальной и политической жизни. Сегодня, в ноябре 1989 г., когда я пишу это предисловие к русскому переводу моей книги, значение названных реформ и вызванных ими изменений предстает со всей очевидностью. В отличие от этого текст самой книги не претерпел никаких изменений, а потому некоторые замечания и наблюдения, содержащиеся в предлагаемой работе, и особенно те из них, которые имеют отношение к описанию «сегодняшней ситуации» в Советском Союзе, уже утратили свое значение. Должен, однако, сказать, что в задачу книги и не входил анализ современного состояния советской науки и философии; при написании этой работы я ставил перед собой иную цель — показать историю взаимоотношений науки и философии в Советском Союзе, начиная с 20-х годов и кончая началом 80-х годов нынешнего столетия. В связи с этим хочу отметить, что и сегодня я готов подписаться под теми оценками, которые содержатся в книге, и если бы у меня и появилась возможность что-то изменить в книге, то эти изменения были бы весьма незначительны и основывались в основном на той новой информации о советской истории, которая была опубликована за последние три-четыре года в советской печати.

Хочется одновременно выразить надежду на то, что очень скоро наступит то время, когда для «продления жизни» настоящей книги потребуются более существенные изменения. Эти изменения станут необходимыми после того, как будут опубликованы работы советских исследователей, в которых история развития советской науки и философии будет освещена более подробно и правдиво, нежели это было до сих пор. До сего времени из-за существовавших политических ограничений советские ученые были лишены возможности объективно исследовать историю собственной страны. Таким образом, зарубежные ученые (и я в их числе) вынуждены были играть особую роль в процессе изучения советской истории и писать о том, о чем советские коллеги не могли писать; стоит ли говорить, что наши усилия в этом направлении были достаточно ограничены. Сегодня эта ситуация, которую следует охарактеризовать как ненормальную, начинает меняться. В рецензии на эту книгу, опубликованную в 1988 г. в журнале «Вопросы философии»¹, три советских философа отмечали, что книга содержит более полную историю взаимоотношений советской науки и философии, нежели любая другая из книг советских авторов, посвященная этой теме. Далее авторы рецензии справедливо замечают: «Хотелось бы надеяться также, что знакомство с этой книгой послужит, кроме всего прочего, своеобразным стимулом для советских философов и историков науки в их работе над созданием отечественной истории философии науки». Я то-

¹ См.: Ахундов М. Д., Баженов Л. Б., Игнатъев В. Н. Естествознание и философия в СССР глазами американского ученого // Вопросы философии. 1988. № 10. С. 161—168.

же хочу надеяться на это, и если надежды сбудутся, то вместо настоящей книги появятся новые, написанные советскими авторами на ту же тему. Советским читателям этой книги я бы хотел сказать: «Это ваша история, и именно вы, а не кто-то другой в состоянии написать о ней наиболее полно». И в этом смысле мы все должны надеяться, что моя работа носит подходящий характер.

Изучение этой истории имеет важное значение не только для Советского Союза. Знакомство с многочисленными фактами и деталями, приводимыми в книге, позволяет поставить два очень важных вопроса, имеющих универсальное значение, — вопрос о необходимости сохранения свободы научного исследования и свободы самовыражения ученого, а также вопрос о значении философии для науки. Далее я хотел бы сказать несколько слов по названным вопросам.

На протяжении XX столетия понятие свободы научного поиска, научного исследования третирировалось в Советском Союзе так, как ни в одной из стран с развитой наукой. В самом деле, трудно найти момент в истории, когда бы с учеными обращались таким образом, как это было в эпоху Сталина. В эпоху сталинизма все советские ученые испытывали на себе жесткий контроль. Многие из них оказались в тюрьме, некоторые умерли в трудовых лагерях. Судьба Николая Вавилова, выдающегося генетика, ставшего жертвой сталинизма и умершего в саратовской тюрьме в 1943 г., может служить горьким символом, олицетворяющим судьбы других ученых.

Учитывая сказанное, кажется невероятным, что советские ученые и в этих условиях смогли столько совершить. Выдающиеся достижения советских ученых как в теоретических (таких, как физика и математика), так и в прикладных областях (атомная энергетика и космические исследования) являются свидетельством силы человеческого духа, живущего в экстремальных условиях. Как американец, я испытываю чувство восхищения теми смелыми и талантливыми советскими учеными, которые в условиях деспотического правления Сталина и репрессивного характера правления его преемников смогли не только поддерживать жизнь советской науки, но и развивать ее. Но как много могли бы совершить советские ученые и инженеры за эти годы, работая в столь же благоприятных условиях, как и их зарубежные коллеги! В то время как советские ученые страдали от ограничений, связанных с существованием жесткого контроля за их передвижением и возможностью обмена информацией, большинство их западноевропейских и американских коллег не испытывали беспокойства по этим вопросам. Хочется надеяться, что эти времена уже в прошлом.

Помимо вопроса о важности и необходимости свободы научной деятельности, обсуждаемого в книге, изложенная в ней история ставит еще один, не менее важный вопрос — вопрос о значении философии для науки. В конце главы о квантовой механике я высказываю следующее соображение: «В процессе своих исследований ученые должны выходить за пределы физических факторов и математических методов. Такого рода теоретизирование является одной из основ научного объяснения. Ведь им приходится делать выбор среди альтернатив, которые одинаково оправданы с точки зрения математического формализма и физических фактов. И выбор этот часто основывается на философских рассуждениях и часто имеет философские следствия».

В такие моменты — моменты выбора — ученые испытывают на себе влияние философии, которое выражается в следовании принципам объективности, реализма и материализма. Не все, но многие ученые с готовностью следуют этим принципам в своей деятельности. Традиция философ-

ского материализма восходит к досократовским временам и, вне всякого сомнения, будет существовать всегда. В Советском Союзе традиция философского материализма не исчезнет с падением значения догматически понятой теории диалектического материализма, но будет принимать более приемлемую в интеллектуальном отношении форму. Мне представляется, что философский материализм сохранит в себе некоторые черты диалектического материализма; в числе этих черт можно, в частности, назвать антиредукционизм диалектического материализма, который отличает его от материализма XIX в.

Диалектико-материалистический взгляд на природу очень близок многим ученым во всем мире. Например, известный американский физик лауреат Нобелевской премии Шелдон Глэшоу так написал о себе и своих коллегах: «Мы убеждены в том, что мир познаваем, что существуют простые правила, которым подчиняется процесс развития материи и эволюция Вселенной. Мы утверждаем также, что существуют некие вечные, объективные, социально-нейтральные и внеисторические универсальные истины и что соединение этих истин и есть то, что мы называем физической наукой. Можно установить, что законы природы носят универсальный и неизменный характер, что они не ограждены извне, не могут быть нарушены и верифицируемы... Любой субъект, наделенный разумом и находящийся в любом месте Вселенной в своих поисках объяснения структуры протона и природы возникновения суперновой, неизбежно придет к тем же логическим построениям, что и мы. Я не могу ни доказать, ни подтвердить это утверждение какими-то фактами. Я просто верю в это»¹.

Думается, что многие советские материалисты найдут философские принципы, лежащие в основе приведенного выше высказывания, весьма близкими с теми принципами, которые они сами разделяют и отстаивают. Наиболее умудренные из них согласятся, возможно, даже и с тем, что философский материализм представляет собой скорее разновидность «веры», разделяемой многими учеными, нежели теории, которую можно доказать. Подобное согласие по основным принципам, лежащим в основе процесса познания, которое существует между советскими учеными и их западными коллегами, создает кроме всего прочего основы для плодотворного сотрудничества и диалога между нами. Хотелось бы в связи с этим выразить надежду на то, что идеи, обсуждаемые на страницах предлагаемой вашему вниманию книги, могут также послужить делу развития подобного диалога.

Если бы я писал эту книгу сегодня, в 1989 г., то одним из соображений, которые я хотел бы пересмотреть, было бы то заключение, которое касается отношений между «онтологистами» и «эпистемологистами». Во второй главе книги я пишу о том, что в последние годы позиции онтологистов существенно укрепились.

Приход Горбачева положил начало большей открытости в духовной жизни советского общества, и теперь можно наблюдать обратную тенденцию. Так, в Институте философии АН СССР вместо отдела «диалектического материализма» создан отдел «логики и теории познания». Это изменение демонстрирует смещение акцентов в сторону эпистемологической проблематики, наблюдаемое по крайней мере в ведущем философском институте Советского Союза. Представляется также, что интерес к философии науки (будь то эпистемологического или онтологического характера) сменяется сегодня возрастающим вниманием и интересом к социальной проблематике и философии политики. Подобное смещение акцентов пред-

¹ *Sheldon Glashow. We Believe That the World is Knowable//The New York Times. October 22, 1989. P. 2.*

ставляет собой естественную часть того процесса политических реформ, который идет сейчас в СССР, а потому может быть оценен как положительное явление. До прихода Горбачева советские интеллектуалы избегали анализа острых социальных и политических проблем.

Однако даже до прихода Горбачева советские ученые вели исследования сложных вопросов, связанных с проблемой интерпретации научного знания. Предлагаемая вашему вниманию книга содержит в себе историю обсуждения этих вопросов. В связи с этим хочу выразить надежду на то, что процесс преобразований, охвативший сегодня все стороны жизнедеятельности советского общества, позволит советским ученым кроме всего прочего свободно обсуждать поднимаемые в книге вопросы со своими зарубежными коллегами. Думается, что все мы только выиграем от этого.

*Лорен Грэхэм
Кембридж, Массачусетс, США
9 ноября 1989 г.*